

«Смерть придёт, у неё

будут твои глаза».

Когда первые крики разрезали тишину, едва занимался рассвет. Небесный румянец так стремительно окрасился багрянцем алого пламени, будто солнце упало прямо на землю.

В открытое окно светлячками залетали огненные искры – некоторые гасли в воздухе, некоторые добирались до самого пола и, гонимые сквозняком, почти попадали на потрепанную старую циновку в самом углу маленькой комнатухи.

Всполохи пламени резали ночь, словно клинок тончайший шёлк на сотни невесомых лоскутов. Звенела сталь, но оглушал другой звук – кровь, что так невыносимо громко капала на землю, будто разбивались хрустальные сосуды на тысячи мелких осколков.

Бай Лао теснее прижался к шершавой глиняной стене, шумно дыша через рот. Воздух был густ, пропитан гарью и солью чужих пота, крови и слёз. Дым и пустынный песок застилали глаза. Причудливые тени тянули к нему когтистые лапы через щель между полом и дверью, а слух разрывали десятки криков, сливаясь в непрерывный вой. Он зажмурился и зажал ладонями уши, отчаянно надеясь, что всё это просто кошмар в час волка [1], пусть и до дикости реальный.

Ему никто не поможет.

Бай Лао очень хорошо это понимал, даже будучи ребенком, едва пережившим свою седьмую весну. Поселение, в котором он жил, не было большим – всего лишь песчинка в море бескрайних песков. Не будь он сиротой, возможно, у него бы был шанс. Но даже в этой крохотной деревушке, ему не было места среди её жителей.

Он не был таким, как они.

- Проверьте дома! Нельзя оставить никого!

Голос, что отдал приказ, прозвучал будто над самым ухом. Слишком юный и звонкий, чтобы принадлежать жестокому воину. Острие клинка медленно расцарапало стену дома прямо за спиной Бай Лао, и ужас, шипастым цветком расцветший в сердце, ядовитой лозой поднялся по позвоночнику прямо к взмокшим волоскам на затылке.

А затем одним мощным пинком хлипкая деревянная дверь слетела с петель.

- Молодой господин! Здесь ребёнок!

И только в этот момент Бай Лао понял, что давно стихли крики, и сталь больше не пронзает чужую плоть – лишь ветер уносит раскаленный, обжаренный кровью песок.

В комнату тяжёлыми шагами вошли двое солдат, рослые, в медных доспехах и с мечами наголо – даже увидев перед собой ребёнка, они не спешили убирать их в ножны. Языки пламени лизали им пятки, словно верные псы, и феникс величественно расправил крылья на нагрудных пластинах. В их угольно-чёрных глазах не было жалости, лишь презрение.

Бай Лао не был единственным ребёнком в этой деревне. Он прекрасно понимал, раз дело дошло до проверки домов, значит со всем остальным уже покончено. И пусть он не был таким, как все остальные, у этих солдат не было причин его щадить. Когти сами собой впились в циновку, раздирая её до самой земли, мягкой от тепла его тела и горячей от полыхающего вокруг пожара. Клыки сомкнулись до скрипа, перетирая летающие в воздухе песчинки в пыль. И пусть в этом не было смысла, Бай Лао зарычал. Это не было звуком свирепого хищника – так мог бы рычать щенок, загнанный в угол, – отчаянно и жалко. Солдат это лишь позабавило.

- И в чём проблема? Неужто вам, вдруг, понадобилось одобрение?

На мгновение Бай Лао показалось, что лица солдат исказила гримаса усталости, будто бы тот, кого они звали «молодым господином» причиняет им ужасную головную боль.

- Да он странный какой-то, – сказал один из них, небрежно бросив фразу через плечо.

- На полукровку похож, – добавил второй, шумно вздохнув. Выглядел он довольно статным и умелым в бою, и вся эта ситуация, должно быть, порядком его раздражала. Он посмотрел на сжатого, словно пружина, ребёнка и провел широкой ладонью ото лба вниз к щетинистому подбородку; черная сажа с его перчатки оставила на лице три слишком ровных полосы. А затем он сделал то, что удивило и первого воина, и самого Бай Лао, на мгновение прервав его надрывное рычание, – с размаху убрал меч в ножны.

Комната погрузилась в вязкую тишину, словно в зыбучие пески. И в этой тишине громче, чем хотелось бы слышались шаги – слишком торопливые и шумные.

«Молодой господин» оказался именно таким, каким Бай Лао мог бы его представить, не будь он безнадежно погружен в чёрную пучину ужаса. Долговязый, с растрёпанным пучком волос, что в огненных всполохах отливали медью. Щёки горели румянцем битвы, а янтарные глаза – жадной жестокой расправы. Он практически вбежал в комнату, задев плечом тлеющий дверной косяк, поспешно стряхивая с рукава шипящие искры. Если бы Бай Лао в этот момент мог подмечать детали, от него бы вряд ли укрылась та секундная вспышка страха, отразившаяся на его лице. Доспехи молодого господина, покрылись сажей и бурыми брызгами крови, но было видно, что большим количеством битв они не закалены. В целом, они несильно отличались от простых солдатских, с той лишь разницей, что нагрудная пластина была выкована из золота, а гравировка феникса блистала алым рубином на месте глаза. На вид ему было не больше пятнадцати.

- Ну и что за невидаль? - Презрительно усмехнулся он, присаживаясь прямо перед всё ещё рычащим ребёнком и хватая его длинными пальцами за дрожащий подбородок.

- Молодой господин! - Воскликнул один из солдат, что всё ещё держал наготове меч. - Не стоит так безрассудно...

- Да что он может?! Только скалиться и царапаться! - Цепкие пальцы брезгливо откинули его голову так, что Бай Лао неловко завалился на бок. Подбородок жгло чужое прикосновение, а глаза щипало от дыма и слёз. - Лисий выродок! - Совсем неблагородно выругался господин и плюнул под ноги Бай Лао прямо на изодранную циновку. - Заканчивайте тут и возвращаемся.

Бай Лао так и остался сидеть, завалившись на бок. Ему не нужно было смотреть - в воцарившейся тишине в нетерпении задрожали сжатые в кулаках клинки. От смерти его отделяли лишь один шаг и один взмах руки умелого воина. Он зажмурился, но удара не последовало. Вместо этого по комнате разлился тихий перезвон и голос с легкой насмешкой.

- Не припомню, чтобы отец велел тебе так жестоко убивать детей.

Бай Лао вскинулся, ошалело осматриваясь.

В дверном проёме стоял юноша, привалившись плечом к тому самому тлеющему косяку, даже не пытаясь стряхнуть сверкающие искры. Он был немногим старше молодого господина, может, всего на пару-тройку лет, но выше и шире в плечах. Они были похожи - те же волосы медного оттенка, те же янтарные глаза, которые, однако, горели не жаждой убийства, а благородством жидкого золота. Незнакомец небрежно оттолкнулся от косяка, взмахнул тяжелым хвостом волос и улыбнулся господину - снисходительно, как несмышлёному ребёнку.

Снова послышался ласковый перезвон, и Бай Лао зацепился взглядом за его нагрудные пластины - их было две - тоже из золота, но без фениксов и рубинов, они соединялись совсем ненадёжной на вид цепочкой и мягко звенели при каждом шаге.

Солдаты покорно отошли к стене, позволяя ему пройти, и будто бы опустили плечи, сбрасывая напряжение.

«Странно». Подумал Бай Лао. «Господином зовут одного, а уважают другого».

Будучи членом не совсем обычного общества с довольно строгой иерархией, даже ребёнком он многое понимал о подчинении.

- Ся-гэ, - вымученно вздохнул господин, - почему тебе обязательно нужно портить всё веселье? Этот...ребёнок...ничем не отличается от всей прочей нечисти в этом захолустье.

Незнакомец обвел всех скучающим взглядом, задержался на Бай Лао, его всклокоченных

черных волосах и дрожащих худых плечах. И отзеркалил вздох своего нерадивого собеседника.

- Он бы давно мог обратиться и хотя бы попытаться убежать. Я даже не вижу у него хвоста, - размеренно проговорил он и, немного подумав, добавил с нажимом - Су-эр. Убийства полукровок и детей не принесут тебе чести, тем более величия. Всё это, наверняка, выйдет боком, когда придёт время занять трон. Нужно забрать мальчишку, пусть отец решает, что с ним делать. Полукровок давно не видели.

Бай Лао не знал, считать ли это удачей, и принесет ли место, в которое его собираются забрать хоть что-то хорошее. По правде сказать, если ему так или иначе было суждено расстаться с жизнью, он бы предпочёл не оттягивать этот момент.

- И вы что, поддерживаете этот бред?! - Вспыхнул господин, обращаясь к смиренно ожидающим солдатам. - Будто отцу заняться больше нечем, со всяким нечистым отребьем возиться!

Солдаты синхронно потёрли уставшие шеи. По их виду явно было понятно, что никто из них не видит смысла продолжать разговор.

- В словах второго молодого господина есть истина. Давайте и правда заберём мальчишку и вернёмся. И так уже задержались, - ответил более статный воин.

Су-эр, как назвал его незнакомец, злобно рыкнул, пнул землю, засыпая измученного страхом ребёнка колкой пылью, и развернулся на пятках.

Бай Лао обмяк, выпустил из когтей циновку и, прикрыв тяжёлые веки, позволил горячей слезе скатиться по грязной щеке. Сердце в груди заполошно стучало, и в такт его ударам вдалеке ещё слышался мягкий перезвон цепочек и золотых пластин.

Комментарии и примечания:

[1] Час волка - время между тремя и четырьмя часами утра, когда часто умирают и рождаются люди; время безумия и кошмаров. Часто это время связывают с оборотнями.

Если пока ничего не понятно, немного поясню: происхождение Бай Лао я отсылаю к китайским лисицам хули-цзин, у которых в основном негативное значение. что-то вроде аналога западных инкубов/суккубов. считалось, что в целом они приносили несчастья. так же считалось, что ребёнок-полукровка не имел никаких признаков своего демонического родителя, но я оставила клыки и когти, потому что мне так нравится. считалось, что хули-цзин предпочитают холодные места, но мои лисицы живут в пустыне

<http://bllate.org/book/14934/1323624>